

петь в своих исследованиях не бесполезно, и не получить успеха не опасно. О Боге же будем рассуждать теперь не много, но в скором времени, может быть, совершеннее, о самом Христе, Господе нашем, Которому слава вовеки, аминь.

О БОГОСЛОВИИ ВТОРОЕ

В предыдущем слове очистили мы понятие о Богослове, объяснив, каков он должен быть, перед кем, когда и сколько любомудрствовать. А именно ему должно быть, насколько можно, чистым, чтоб свет приемлем был светом, любомудрствовать перед людьми усердными, чтобы слово, падая на бесплодную землю, не оставалось бесплодным, – любомудрствовать, когда внутри нас тишина и не кружимся по внешним предметам, чтобы не прерывалось дыхание, как у всхлипывающих, – притом любомудрствовать, сколько сами постигаем и можем быть постигаемы. После же таких на это объяснений, когда мы распахали себе новые поля Божий, чтобы не сеять между тернами (Иер. 4, 3), и уравнили лицо земли, сами образовавшись и других образовав по образцу Писания, приступим уже к изложению Богословия. Управлять же словом предоставим Отцу и Сыну и Святому Духу, о Которых у нас слово, – Отцу, да благоволит о нем, Сыну, да содействует ему, Духу, да вдохнет его; лучше же сказать, да будет на нем единого Божества единое озарение, соединительно разделяемое и разделительно сочетаемое, что и выше понимания!

Но теперь, когда охотно восхожу на гору, или, справедливее сказать, желаю и вместе боюсь (желаю по надежде, боюсь по немощи) вступить внутрь облака и беседовать с Богом (ибо сие повелевает Бог), – теперь, кто из вас Аарон, тот взойди со мной и стань вблизи, но будь доволен тем, что надобно ему остаться вне облака; а кто Надав, или Авиуд, или один из старейшин, тот взойди также, но стань издалеча, по достоинству своего очищения: кто же принадлежит к народу и к числу недостойных такой высоты и созерцания, тот, если он не чист, вовсе не приступай (потому что сие не безопасно), а если очищен на время, останься внизу; и внимай единому гласу и трубе, то есть голым выражениям благочестия, на дымящуюся же и молниеносную гору взирай, как на угрозу и вместе на чудо для неспособных взойти; но кто злой и неукротимый зверь, вовсе не способен вместить в себе предлагаемого в умозрении и Богословии, тот не скрывайся в лесу, с тем злым умыслом, чтоб, напав нечаянно, поймать какой-нибудь догмат или какое-нибудь слово, и своими хулами растерзать здоровое учение, но стань еще дальше, отступи от горы, иначе он будет камнями побит и сокрушен (Евр. 12, 20), злодей злой смертью погибнет (Матф. 21,41), потому что истинные и твердые учения для зверонравных суть камни; погибнет, он рысь, которая умрет с пестротами своими (Иер. 13, 23); или лев, алчущий добычи и рыкающий (Пс. 21, 14), который ищет или наших душ, или наших выражений, чтобы обратить их себе в пищу; или свинья, которая попирает прекраснейший и блестящий бисер истины (Матф. 7, 6), или арабийский и другой породы волк, даже волков быстрее в своих лжеумствованиях (Авв. 1, 8); или лисица, то есть хитрая и неверная душа, которая смотря по времени и нужде, принимает на себя разные виды, питается мертвыми и смердящими телами, также мелким виноградом (потому что не достать ей крупного); или другое животное, запрещенное Законом, нечистое для пищи и употребления! Ибо слово, устранившись от таковых, хочет быть начертанным на скрижалях твердых и каменных, и притом на обеих сторонах скрижалей, по причине открытого и сокровенного смысла в Законе, открытого, который нужен для многих и пребывающих долу, и сокровенного, который внятен для немногих и простирающихся горе.

Но что со мной сделалось, друзья, свидетели тайны и подобные мне любители истины? Я шел с тем, чтобы постигнуть Бога; с этой мыслью, отрешившись от вещества и вещественного, погружившись, насколько мог, сам в себя, восходил я на гору. Но когда простер взор, едва увидел сзади Бога (Исх. 33, 22, 23) и то покрытого Камнем (1 Кор. 10, 4), то есть воплотившимся ради нас Словом. И прикинув несколько, созерцаю не первое и чистое естество, познаваемое Им самим, то есть самой Троицею; созерцаю не то, что пребывает внутрь первой завесы и закрывается херувимами, но одно крайнее и к нам простирающееся. А это, насколько знаю, есть то величие, или, как называет божественный Давид, то великолепие (Пс. 8, 2), которое видимо в тварях, Богом и созданных и управляемых. Ибо все то есть Бог сзади, что после Бога доставляет нам познание о Нем подобно тому, как отражение и изображение солнца в водах показывает солнце слабым взорам, которые не могут смотреть на него, потому что живость света поражает чувство. Так богословствуй и ты, хотя будешь Моисеем и богом фараону, хотя с Павлом взойдешь до третьего неба и услышишь неизреченные слова (2 Кор. 12, 4), хотя станешь и их выше, удостоившись ангельского или архангельского лика и чина! Ибо все небесное, а иное и пренебесное, хотя в сравнении с нами